

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

И. Д. Горшкова, И. И. Шурыгина МЕТОДОЛОГИЯ ВЫЯВЛЕНИЯ МАСШТАБОВ СУПРУЖЕСКОГО НАСИЛИЯ

В 2002—2003 гг. при финансовой поддержке Фонда Форда авторы провели исследование "Домашнее насилие в отношении жен". Это общероссийское исследование¹, посвященное изучению проблемы супружеского насилия над женщинами в современных российских семьях. Ранее российские социологи распространенность домашнего насилия и насилия над женщинами изучали в рамках массовых опросов об образе жизни и ценностных установках женщин; о состоянии брачно-семейных отношений; о проблемах репродуктивного здоровья женщин и об осведомленности населения о проблеме насилия [1—3]. Основная цель нашего исследования заключалась в выявлении масштабов различных видов супружеского насилия (физического, сексуального, экономического и психологического). Это ставило нас в несколько более выгодное положение, поскольку мы могли целенаправленно выстроить все исследование на всех его уровнях — от разработки инструментария до организации процедуры опроса.

Потенциальные трудности, которые могли снизить достоверность полученной информации, были как обычными для исследований девиантного или просто социально не

одобряемого поведения, так и специфическими, характерными именно для исследований супружеского насилия. К числу первых относятся латентность изучаемого явления и высокая вероятность получения неискренних ответов, а к числу вторых — необходимость разработки действительно чувствительного инструментария, позволившего бы зафиксировать широкий спектр насильст-

ГОРШКОВА Ирина Дмитриевна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Центра социологических исследований МГУ им. М.В. Ломоносова. ШУРЫГИНА Ирина Игоревна — старший научный сотрудник Института социологии РАН.

¹ Опрос проводился в семи экономических регионах России: Северном (Республика Карелия), Центральном (Москва и Московская область), Северо-Кавказском (Ставропольский край), Центрально-Черноземном (Липецкая область), Восточно-Сибирском (Республика Бурятия), Западно-Сибирском (Омская область), Уральском (Республика Башкортостан). Всего опрошено более 2200 человек, в более чем 50 населенных пунктах. Применялась целенаправленная выборка. Выборная совокупность определялась согласно квотным параметрам, представленным Госкомстатом РФ отдельно по каждому региону о состоящих в браке (супруги из полных семей): место проживания, пол, возраст, образование, количество детей, уровень доходов. Дополнительно использовались общие данные Госкомстата по регионам о распределении среднегодовой численности занятых по отраслям экономики, численности и составу безработных, национальному составу и пр.

венных практик, из которых складывается насилие как система повседневных отношений.

Определение критериев супружеского насилия

Специфической проблемой для изучения супружеского насилия является операциональное определение насилия. Практика социологических исследований показывает, что прямые вопросы, в которых фигурирует слово "насилие", работают крайне слабо², поскольку, во-первых, даже люди, сталкивающиеся с насилием в своей семейной жизни, далеко не всегда бывают способны четко идентифицировать то, что с ними происходит, и, во-вторых, потому, что не может быть уверенности в том, что под "насилием" респондент и исследователь понимают одно и то же.

Как правило, при проведении опроса выделяют набор конкретных проявлений насилия, и соответствующие вопросы анкеты бывают направлены на то, чтобы выяснить, происходят ли в семье респондента те или иные события. Поэтому первая задача, которая стоит перед исследователем — определение понятия "насилие" и составление набора его конкретных проявлений. Этот набор сам по себе может влиять на конечный результат, занижая или, наоборот, завышая реальные масштабы насилия. По нашим оценкам, в отечественных исследованиях уровень насилия скорее занижен из-за недостаточно подробной системы используемых показателей, что, в свою очередь, вызвано тем, что исследователи бывают вынужденными ограничиваться одним-двумя блоками вопросов о насилии в семье. Например, в одном из исследований физическое насилие в супружеских

отношениях выявлялось через следующий набор показателей:

"Как часто Ваш муж/Как часто Вы сами (никогда, иногда, часто)":

— Бросал что-либо в Вас/Бросали что-либо в мужа;

— Толкал Вас/Толкали его;

— Давал щелчки или затрецины/Давали ему щелчки или затрецины;

— Бил Вас/Били его;

— Принуждал к сексуальным отношениям.

Вербальное насилие в этом же исследовании определялось следующим образом:

"Как часто Ваш партнер/Как часто Вы сами (никогда, иногда, часто)":

— Повышал на Вас голос/Повышали голос;

— Оскорблял Вас/Оскорбляли Вашего партнера;

— Угрожал унижением/Угрожали унижением;

— Угрожал предательством/Угрожали предательством;

— Угрожал, что ударит Вас/Угрожали ударить Вашего партнера;

— Угрожал ударить любимого Вами человека/Угрожали ударить любимого им человека.

Мы при операционализации насилия опирались на многолетний зарубежный и отечественный опыт женских кризисных центров по определению и идентификации насилия того или иного типа и при этом старались избегать любых общих формулировок, допускающих неоднозначное толкование. Более об-

² Например, в нашем исследовании только четверть (25%) женщин, из числа тех, кто стал жертвами супружеского изнасилования (мужья силой или угрозами заставляли заниматься сексом, хотя жены этого не хотели и говорили об этом), считают, что они подверглись сексуальному насилию, и около 40% женщин, которые отметили, что их бьют мужья, не считают, что они подвергаются физическому насилию или давлению.

щие формулировки мы использовали только тогда, когда нас интересовали чувства респондента, его субъективная оценка ситуации.

Например, для выявления психологического насилия мы использовали в качестве исходного следующее определение: *"насилие с применением словесных и психических средств, принижение достоинства женщины, оскорбления, пренебрежительное отношение, ведущее к утрате самоуважения, упреки, брань, в том числе нецензурная, грубость, запугивание"*.

Исходя из этого определения, психологическое насилие фиксировалось через следующий набор показателей:

Мужчинам задавались те же вопросы, но в нескольких смягченных формулировках (*"Если Ваша жена*

Вас разозлит, используете ли Вы нецензурные выражения, мат при объяснении с ней?", *"Приходится ли Вам говорить Вашей жене о том, что она..."* и т. д.). Вместо "женского" вопроса: *"Бывает ли у Вас ощущение, что Ваш муж Вас унижает или пытается Вас унижить, оскорбить, поставить на место?"* у мужчин спрашивали: *"Случается ли Вам напоминать Вашей жене о том, "где ее место?"*, при этом в варианты ответов была добавлена позиция: *нет, она и так знает, где ее место.*

Аналогичная работа по операционализации понятий была проделана с другими видами насилия: физическим (исходное определение: *избиения, побои, рукоприкладство, пытки, истязания, нарушения неприкосновенности, нападения, нанесение*

Таблица 1

Проявления психологического насилия	Вопросы анкеты
1. Ощущение женщины, что муж ее унижает или стремится унижить.	Бывает ли у Вас ощущение, что Ваш муж Вас унижает или пытается Вас унижить, оскорбить, "поставить на место"?
Конкретные формы проявления психологического насилия:	
а) муж использует нецензурные выражения специально для того, чтобы оскорбить жену	Ваш муж когда-нибудь использовал нецензурные выражения, мат для того, чтобы Вас оскорбить?
б) уничижительная критика различных сторон личности жены	<ul style="list-style-type: none"> • Приходится ли Вам слышать от мужа, что Вы... • "Плохая хозяйка", "не умеете готовить", "лентяйка", "неряха" и пр. • "Плохая мать", "не умеете воспитывать детей", "не заботитесь о них" и пр. • "Плохо выглядите", "некрасивая", "старая", "толстая", "не умеете одеваться", "у Вас нет вкуса" и пр. • "Неумная", "глупая", "ничего не понимаете" и пр. • "Плохая жена", "не любите, не понимаете мужа", "не заботитесь" о нем и пр. • "Никому, кроме него не нужна", "должна быть благодарна за то, что он на Вас женился" и пр. • "Мало или ничего не зарабатываете", "иждивенка", "сидите у мужа на шее", "Вас интересуют только деньги" и пр. • "Сексуально непривлекательная", "холодная", "фригидная" и пр. • "Имеете плохой характер", "стерва", "вздорная", "склочная" и пр. • "Распущенная", "развратная", одеваетесь как "неприличная женщина" и пр.
в) запреты	<ul style="list-style-type: none"> • Было ли, хотя бы один раз, чтобы Ваш нынешний муж запретил Вам видеться с кем-нибудь из Ваших родственников, знакомых. • Куда-нибудь пойти, выйти из дома • Одеваться и краситься так, как Вы сами хотите.
г) угрозы	<ul style="list-style-type: none"> • Бывало ли так, что Ваш нынешний муж ... • Угрожал, что найдет себе другую женщину или уйдет от Вас. • Не скрывал от Вас своих измен • Выгонял Вас из дома. • Угрожал, что при разводе отберет у Вас детей, настроит их против Вас.

травм, увечий, запугивание жестами, действиями, уничтожение предметов обихода, применение оружия); экономическим (лишение ресурсов, запрещение работать, контроль за расходами, финансовый контроль и зависимость, осуществляющийся через выдачу денег только по просьбе и только на проживание, ограничение, отказ в деньгах, обязательные процедуры отчетов о потраченных средствах) и сексуальным (секс без обоюдного согласия, против желания, с применением физической силы, угроз, запугивания, насильственное совершение полового акта после побоев).

Измерение и композиция анкеты

При создании инструментария мы учитывали, что нам необходимо максимально снизить долю неискренних ответов. Для этого мы использовали методики, которые обычно применяются в исследованиях девиантного поведения (в частности, учитывался богатый опыт, накопленный сектором социальных проблем девиантного поведения ИСИ РАН при проведении опросов, направленных на определение масштабов употребления наркотиков и спиртного). Эти методики были дополнены собственными разработками, которые во многом опираются на практику проведения качественных исследований. В числе использовавшихся методических приемов: высокая доля зондирующих вопросов, отказ от использования фильтров, асимметрия шкал в сторону "да-ответов", оценки искренности и пр.

Поскольку насилие рассматривалось нами в первую очередь как система повседневных отношений, мы не могли ограничиться вопросами о проявлениях насилия и задавали респондентам много вопросов

о подробностях их семейной жизни и супружеских отношений. При помощи этих вопросов мы не только получили необходимую нам информацию, но и "замаскировали" предмет нашего основного интереса. Эти вопросы, а также вопросы социально-демографического характера, были расположены в первой и самой большой по объему части анкеты. Респонденты постепенно шли к темам о различных видах насилия через ответы на простые вопросы о повседневной жизни семьи, уточнения об обыденных практиках, за которыми могли обнаруживаться проявления подавления. Первый вопрос о конкретных проявлениях психологического насилия в семье респондента в женской анкете шел под номером 129, а в мужской — под номером 124. Вопрос о том, бил ли муж жену, имел соответственно номера 135 и 130. Вопросы первой части анкеты, которые демонстрировали исследовательский интерес к повседневной жизни и обычным заботам респондентов, должны были, таким образом, создать у них ощущение безопасности, доверия и настроить на искренность. Низкий уровень отказов (менее 3% респондентов не стали продолжать отвечать на вопросы анкеты, когда приступили к разделам о насилии) подтверждает верность избранной стратегии.

Вопросы, направленные на выявление таких проявлений экономического насилия, как: *финансовый контроль и зависимость, осуществляющийся через выдачу денег только по просьбе, неравенство в финансовых возможностях, обязательные процедуры отчетов о потраченных средствах*, мы поместили вне блока вопросов о насилии, поскольку этот тип насилия осуществляется в обыденных практиках распределения денег между членами семьи. Поэтому соответ-

ствующие вопросы и позиции скрывались среди вопросов о материальном положении семьи, соотношении доходов супругов, способе построения семейного бюджета и т. д.

Асимметрия шкал в сторону "да-ответов" использовалась для того, чтобы у респондента было как можно больше возможностей выбрать нежелательную для него позицию и не было возможности уйти от ответа из-за того, что он не нашел позиции, точно соответствующей его жизненной ситуации. Например, вопрос об использовании мужем нецензурных выражений в адрес жены включал в себя следующие варианты закрытия: *часто; время от времени; очень редко, это были, единичные случаи; никогда; он всегда их использует, даже если не разозлен; раньше бывало, но теперь нет; не хочу отвечать*. В вопросе о том, был ли в семье случай, чтобы муж ударил жену, из 16 предложенных вариантов ответа 13 позиций описывали различные варианты положительного ответа и 2 позиции (*не помню и не хочу отвечать*) давали респонденту возможность уклониться от утвердительного ответа, не прибегая к прямой лжи. (Как показал дополнительный анализ уходов от ответа и ответов *не помню*, от трети до половины выбравших этот вопрос имели опыт насилия.) Социально одобряемые варианты ответов мы помещали в середине или в конце шкалы.

Отказ от фильтров — обычный прием в социологических исследованиях девиантного поведения. Он используется для того, чтобы респондент, солгавший при ответе на прямой вопрос, например, о том, употреблял ли он когда-либо наркотики, не переходил сразу к следующему блоку вопросов, а должен был бы сначала прочитать вопросы об обстоятельствах первой пробы и последующего употребления. Практика по-

казывает, что некоторое число респондентов, первоначально давших отрицательный ответ, проговариваются, отвечая на последующие вопросы. Отказ от фильтров мы использовали в блоке о нанесении побоев, который был разработан особенно подробно и состоял из более чем 20 вопросов об обстоятельствах первого и последнего случаев нанесения побоев, о полученных травмах, об обращении в милицию и за врачебной помощью и пр.

Наше дополнение к приему отказа от фильтров состояло в том, что мы не просто предоставляли респондентам, отрицающим факт насилия при ответе на прямой вопрос, возможность проговориться, но и прямо предлагали им отвечать на все последующие вопросы о физическом насилии в их семье. Респонденты, независимо от своего ответа на первый вопрос блока (*"Был ли случай, чтобы Вы ударили Вашу нынешнюю жену?"* / *"Был ли случай, чтобы Ваш нынешний муж попытался Вас ударить или ударил Вас"*), все равно должны были отвечать на все последующие вопросы. При этом они могли выбрать несколько вариантов ответа или ухода от него: *я ни разу не делал даже попытки ударить жену/мой муж ни разу даже не пытался ударить меня; не помню; не хочу отвечать*. Вот как, например, были сформулированы четыре первых вопроса в блоке о побоях в анкете для мужчин:

Был ли случай, чтобы Вы ударили Вашу нынешнюю жену?

1. Один раз попытался, но не ударил.
2. Ударил всего один раз за всю совместную жизнь.
3. Ударил всего несколько раз.
4. Это случается примерно раз в год.
5. Это случается несколько раз в год.

6. Это бывает примерно раз в месяц.

7. Это случается два-три раза в месяц.

8. Это бывает примерно раз в неделю.

9. Это случается чаще, чем один раз в неделю.

10. Это случилось больше, чем один раз, или происходило более-менее регулярно, но только в начале нашей совместной жизни.

11. Через несколько лет после начала нашей совместной жизни был один такой период, когда это случилось более-менее регулярно, но сейчас этого нет.

12. В течение нашей совместной жизни было несколько таких периодов, когда это случалось более-менее регулярно.

13. Более или менее регулярно такое начало происходить несколько лет назад.

14. Я ни разу не делал даже попытки ударить жену.

15. Не помню.

16. Не хочу отвечать.

Если Вы хотя бы один раз ударили свою жену или попытались это сделать, то когда это произошло впервые?

1. Вы пытались ударить, но не ударили ее до того, как Вы стали жить вместе.

2. Вы пытались ударить, но не ударили ее после того, как Вы стали жить вместе.

3. Ударили ее первый (или единственный) раз до того, как стали жить вместе.

4. Ударили ее первый (или единственный) раз после того, как стали жить вместе.

5. Я ни разу даже не пытался ударить жену.

6. Не помню.

7. Не хочу отвечать.

Если Вы ударили свою жену или попытались это сделать, когда Вы

уже жили вместе, то примерно на каком году совместной жизни это произошло?

1. Это произошло примерно на ... году нашей совместной жизни.

2. Это было до начала совместной жизни.

3. Я ни разу даже не пытался ударить жену.

4. Не хочу отвечать.

Когда это произошло в первый (или единственный) раз, были ли Вы:

1. Пьяны.

2. Под воздействием наркотиков.

3. Ни то, ни другое.

4. Не помню.

5. Я ни разу даже не пытался ударить жену.

6. Не хочу отвечать.

Вариант ответа я «*ни разу даже не пытался ударить жену*»/ «*мой муж ни разу даже не пытался меня ударить*», помещенный нами на одну из последних позиций, должен был создавать напряжение для респондентов, которые не готовы были отвечать правдиво. Еще одна задача, которую мы ставили перед собой в мужской анкете — выразить одобрение поведению тех, кто искренне выбирал этот ответ, и проблематизировать тех, кто был неискренен. Перед тем, как использовать этот прием на главных для исследования вопросах о насилии, мы применили его в нейтральной части анкеты, а именно в вопросах о работе. Не работающим респондентам было предложено ответить на все вопросы о работе, и при этом им приходилось отыскивать нужную им позицию «*я не работаю*» в конце меню ответов на вопросы. Этим мы хотели дать образец поведения при заполнении анкеты, согласно которому респондент абсолютно во всех вопросах анкеты сможет найти свой вариант ответа.

При анализе данных мы делали перерасчет с учетом тех, кто ответил отрицательно на первый вопрос о физи-

ческом насилии, но проговорился при ответах на последующие вопросы. В результате такого перерасчета доля респондентов, признавших, что в их семьях муж ударил жену хотя бы один раз, повысилась на 8% среди женщин и на 11% среди мужчин.

Организация полевых работ

Основными целями организации полевых работ было обеспечение следующих условий:

— нейтральность при подборе респондентов;

— доверительная, безопасная психологическая атмосфера и комфортные условия для заполнения анкеты;

— обеспечение уверенности респондента в анонимности опроса.

Все это должно было повысить степень искренности при заполнении анкет.

Время проведения опроса в каждом из регионов было ограничено 3—4 днями. Задания по выборке и инструкции по порядку проведения работы высылали в регионы заблаговременно и при этом информацию о теме исследования давали только в самом общем виде. Московские представители привозили анкеты непосредственно к началу полевых работ. Таким образом, ни рекрутеры, ни согласившиеся на участие в опросе респонденты не знали о том, что основной темой исследования будет насилие в семье. К приезду московского представителя местные социологи уже имели договоренности с будущими респондентами, был составлен график работ в разных населенных пунктах. Аналогично практике сбора респондентов на фокус-группы, подобранных по квотам респондентов в назначенное время приглашали для опроса по теме "Проблемы российской семьи" (такое же название имела анкета). Сам по себе трудный процесс подбора по квотам

(который становился известным окружению рекрутера, особенно в селах и в малых городах) создавал у будущих участников опроса дополнительное ощущение того, что их пригласили участвовать в исследовании согласно каким-то статистическим требованиям, а не для того, чтобы выведать у них глубоко персональную информацию. Опрос проводился в помещениях нейтральных учреждений образования и культуры (аудитории, классы, сельские библиотеки, клубы, дома культуры и пр.), где после инструктажа и при консультировании анкетеров респонденты самостоятельно заполняли анкеты. На каждую сессию приглашались в среднем 15—25 человек, преимущественно одного пола. Такая форма опроса была разработана для того, чтобы создать у респондента впечатление массовости процесса и придать уверенность в том, что исследование носит действительно анонимный характер.

Резюме

Обобщение нашего опыта по выявлению масштабов супружеского насилия схематически показано в таблице.

ЛИТЕРАТУРА

1. Женщина новой России: какая она. Как живет? К чему стремится? Аналитический доклад ИКСИ РАН. М., 2002.

2. Римашевская Н., Ванной Д., Мальшева М. и др. Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1996 году. М., 1999.

3. Bodrova V., David P. Domestic Violence in Russia's Families: Demographic Connection. EAPS Population Conference, Helsinki, 7-9 June 2001

Irina Gorshkova and Irina Shurygina maintain in "Methodology of Unveiling the Scale of Family Violence" that there are certain criteria and formal parameters that can be used to assess this phenomenon in numerical terms. They provide the readers with the set of indicators that fix psychological violence, describe the composition of the questionnaire and the particularities of fieldwork.

Таблица 2

Проблемы	Предпринятые меры	Результаты
Сложность изучения насилия и его различных видов как системы поведения	Чувствительность анкеты : каждый вид насилия измерялся через подробное описание возможных проявлений	Собраны данные о широком спектре повседневных насильственных практик, относящихся к видам насилия Получена возможность выявить разные степени насилия и их распространенность
Несовпадение представлений авторов и респондентов о том, что можно назвать "насилием"	При измерении практик насилия не употреблялся термин <i>насилие</i>	Мы смогли получить данные о насилии в семьях тех респондентов, которые не считают, что подвергаются насилию или что практикуют его
Нежелание респондентов откровенно отвечать на вопросы о насилии	<p>Композиция анкеты: постепенное движение от нейтральных вопросов к основным</p> <p>Множество не прямых описательных вопросов о насилии, часть из которых была замаскирована под нейтральные</p> <p>Отказ от фильтров, зондаж, скошенные шкалы, формулировки: барьеры к уходам от ответов, лжи, дополнительные возможности для искренности, проговорки</p> <p>Организация полевых работ: создание у респондентов чувства безопасности и уверенности в анонимности опроса</p>	<p>Менее 3% респондентов отказались отвечать на вопросы о побоях</p> <p>При перерасчете данных с учетом тех, кто ответил отрицательно на первый вопрос о физическом насилии, но проговорился при ответах на последующие вопросы, доля респондентов, признавших, что в их семьях муж ударил жену хотя бы один раз, повысилась на 8% среди женщин и на 11% среди мужчин</p> <p>Зафиксированы более высокие, чем в прежних исследованиях, масштабы насилия</p>